

Аблаут в глагольных основах нахско-дагестанских языков

В статье проводится сопоставительный анализ рядов вокалических чередований (аблаута), обнаруживаемых в глагольных системах языковых групп нахско-дагестанской семьи. Показано, что разнообразие этих рядов, в той или иной степени присущее всем этим группам, не позволяет, как это часто принято, трактовать нахско-дагестанские глагольные корни как моноконсонантные. Также показано, что вокалические чередования такого рода, как правило, не удастся объяснить исходя из внутренней истории той или иной подгруппы, и что, следовательно, в какой-то форме глагольный аблаут должен реконструироваться и для пра-нахско-дагестанского, хотя конкретная реконструкция пока остается делом будущего.

Традиция изучения дагестанских языков характеризуется явным пренебрежением к вокалической составляющей корневой морфемы. Как известно, здесь долгое время господствовала и продолжает существовать и по сей день теория моноконсонантизма, принимаемая исследователями в качестве аксиомы. Так, в одной из последних по времени выхода работ на сравнительно-историческую тематику читаем: «теория корня в дагестанских языках является одной из сложных, что обусловлено моноконсонантным характером корневой морфемы. В восточнокавказских языках увеличение числа моноконсонантных реконструкций корня происходит по мере продвижения от современного состояния к более отдаленной перспективе» [Сулейманов 2000: 27].

Хотя основные положения этой теории увязываются с работами А. С. Чикобава, главный ее тезис восходит, по-видимому, к Н. С. Трубецкому, которому принадлежит высказывание о том, что «правосточнокавказские глагольные корни состояли в большинстве своем из одного-единственного шумного согласного» [Трубецкой 1987: 341]. Между тем трудно не обратить внимания на то, каким образом интерпретировал исследователь роль гласных в составе глагольной основы: по его мнению, с помощью специфических для разных групп глаголов чередований они передавали видо-временные значения. В соответствии с такой позицией гласные не должны исключаться ни из сравнительно-исторических, ни из синхронных описаний.

Глагольный аблаут представлен в современных нахско-дагестанских языках довольно неравномерно. Достаточно ярко он проявляется, например, в нахских языках. Здесь, как известно, выделяется несколько разновидностей спряжения в зависимости от способов противопоставления глагольных основ совершенного (однократного) и несовершенного (многократного) вида. В чеченском языке выделяется десять таких разновидностей, противопоставляющих три ступени чередования [Дешериева 1979: 83–84], ср. чеч. (формы инфинитива, настоящего и близкого прошедшего времени):

1-й тип:	$\bar{a} — \bar{o} — \bar{e}$:	$\bar{a}ла(н)$ 'сказать' — $\bar{o}лу$ — $\bar{e}ли(н)$;
2-й тип:	$a — o — e$:	$таса(н)$ 'бросить' — $тосу$ — $теси(н)$;
3-й тип:	$\bar{e} — \bar{o}ь // уоь — \bar{y}й // e$:	$д\bar{e}ша(н)$ 'читать' — $доьшу$ — $д\bar{y}йши(н)$;
4-й тип:	$e — оь — и$:	$верза(н)$ 'выздоровливать' — $воьрзу$ — $вирзи(н)$;
5-й тип:	$ий — уьй — ий$:	$лийча(н)$ 'купаться' — $луьйчзу$ — $лийчи(н)$;
6-й тип:	$и — уь — и$:	$тилла(н)$ 'класть' — $туьллу$ — $тилли(н)$;
7-й тип:	$o — y — уьй // оь$:	$тоха(н)$ 'бить' — $туху$ — $туьйхи(н)$;
8-й тип:	$o — y — уь$:	$кхолла(н)$ 'творить' — $кхуллу$ — $кхуьлли(н)$;
9-й тип:	$y — y — уьй // оь$:	$уза(н)$ 'тянуть' — $узу$ — $оьзна$;
10-й тип:	$y — y — уь$:	$дуза(н)$ 'наполнять' — $дузу$ — $дуьзи(н)$.

Хотя очевидно, что некоторые разновидности легко объединяются (например, с одной стороны, ряды первый и второй и, с другой стороны, третий и четвертый, отличающиеся лишь долготой гласного, или седьмой и девятый ряды, а также восьмой и десятый, отличающиеся качеством базового гласного), разнообразие чередований налицо (отметим также не вошедшие в представленные выше типы неправильные глаголы).

В ингушском языке, по мнению Р. И. Долаковой [1967: 219], имеется девять типов аблаута, ср.:

1-й тип:	$\bar{a} — oа — аь$:	$\bar{a}ха$ 'пахать' — $оах$ — $аьхар$;
2-й тип:	$\bar{a} — a — аь$:	$к\bar{a}га$ 'блеснуть' — $к\bar{a}г$ — $к\bar{a}ьгар$;

3-й тип:	<i>a — o — e:</i>	<i>мага</i> 'мочь' — <i>мог</i> — <i>мегар</i> ;
4-й тип:	<i>a — a — e:</i>	<i>дарста</i> 'полнеть' — <i>дарст</i> — <i>дерстар</i> ;
5-й тип:	<i>ē — e — ий:</i>	<i>дѣкъа</i> 'делить' — <i>дѣкъ</i> — <i>дийкъар</i> ;
6-й тип:	<i>o — o — e:</i>	<i>тоха</i> 'бить' — <i>тох</i> — <i>техар</i> ;
7-й тип:	<i>ов — ов — ай:</i>	<i>ловза</i> 'бить' — <i>ловз</i> — <i>лайзар</i> ;
8-й тип:	<i>ӯв — ув — ий:</i>	<i>лӯвча</i> 'блеснуть' — <i>лувч</i> — <i>лийчар</i> ;
9-й тип:	<i>и — у — и:</i>	<i>дита</i> 'оставлять' — <i>дут</i> — <i>дитар</i> .

В бацбийском насчитывается четыре типа аблаута *a — u*, *a — e*, *o — e* и *u — e* [ЧРЕЛАШВИЛИ 1999: 199], ср.: *вахѣ* 'пошел' — *ихѣ* 'шел', *хатлмлї* 'спросил' — *хетлмлї* 'спрашивал', *дохкї* 'продал' — *дехкї* 'продавал', *тумлѣ* 'срезал' — *темлѣ* 'резал' и др.

В специальной литературе была высказана мысль о вторичности аблаутных чередований в нахском глаголе: «... для образования дюративного аспекта от моментного был использован префикс *i*, а современная система образования аспекта — результат слияния означенного гласного с гласным моментного аспекта глагола. Следует добавить, что в дальнейшем к оформленным по аспекту формам присоединились так называемые обстоятельственные префиксы (*q-*, *y-*, *h²-*, *s-*) и экспоненты грамматических классов, образующие новые глагольные основы. Таким образом, образование аспекта в нахских языках усложнилось... Заключаем, в образовании аспекта в нахских языках аблаут не имел места» [ИМНАЙШВИЛИ 1977: 134]. Тем не менее мнение исследователей склоняется в пользу первичности аблаута в этой языковой группе. В «Северокавказском этимологическом словаре» [НИКОЛАЕВ & STAROSTIN 1994: 101] была предложена следующая схема типов общенахского аблаута:

Сов. вид	Несов. вид	Сов. вид	Несов. вид
* <i>e:</i>	* <i>a:</i>	* <i>a:</i>	* <i>e:</i>
* <i>a</i>	* <i>e:</i>	* <i>o:</i>	* <i>e:</i>

Рассматривая взаимоотношения нахских и дагестанских языков, Б. К. Гигинейшвили выдвигал глагольный аблаут в качестве одного из показателей специфики нахских языков: «Это характерное для морфологии нахского глагола чередование корневых гласных совершенно чуждо дагестанским языкам как на нынешнем этапе их развития, так и исторически» [Гигинейшвили 1977: 24].

Между тем данные дагестанских языков позволяют усомниться в подобном суждении. Наиболее интересны в этом отношении данные даргинского языка, где также имеется противопоставление однократного и неоднократного видов, выражаемое чередованием гласных, ср.:

арсес 'полететь' — *урсес*, *бѣбклес* 'умереть' — *бубклес*;
абхъес 'открыть' — *ибхъес*, *бухес* 'отнести' — *бихес*, *бехъес* 'разрушить' — *бихъес*;
бяхъес 'ударить' — *бирхъес*;
беркес 'съесть' — *букес*, *бергес* 'съесть' — *бугес*;
бердес 'износить', 'сносить' — *удес*, *берцес* 'спасти' — *уцес*;
абердес 'вырвать' — *авдес*;
белсес 'сплести' — *лусес*, *белклес* 'написать' — *луклес*,
айес 'дать' — *лугес*, *хъес* 'привести' — *бихъес*.

Как видно из примеров, в некоторых типах аблаутное чередование дополняется оппозицией наличия/отсутствия консонантных элементов. Исследователи высказывались об исконности аблаута в даргинском: «Сравнение способов образования коррелятивных видовых форм... дает основания для вывода о том, что категория вида была унаследована... от даргинского языка-основы почти в таком виде, в каком она продолжает функционировать и поныне. Поэтому сходства в образовании видовых форм... идут гораздо глубже, чем различия. Однако имеющиеся между ними различия ни в коем случае нельзя отнести к категории несущественных, малозначительных, поскольку они в какой-то мере отражают состояние после праязыковой эпохи в развитии отдельных идиомов и их категорий, в том числе и категории вида» [Хайдаков 1985: 128]. Реконструкцию протодаргинского аблаута находим в «Северокавказском этимологическом словаре» [НИКОЛАЕВ & STAROSTIN 1994: 101], где была предложена схема, включающая пять типов:

Сов. вид	Несов. вид	Сов. вид	Несов. вид	Сов. вид	Несов. вид
* <i>a</i>	* <i>u</i>	* <i>e</i>	* <i>u</i>	* <i>y</i>	* <i>u</i>
* <i>a</i>	* <i>y</i>	* <i>e</i>	* <i>y</i>		

Как показывают материалы современных лезгинских языков, категория вида (аспекта) уже утратила здесь свой первоначальный облик и сохраняется в форме противопоставления так называемых видовых основ: основы совершенного, или недлительного, вида (терминатива) и основы несовершенного, или длительного, вида (дуратива), от которых образуются соответствующие временные формы [АЛЕКСЕЕВ 1985: 67]. Основным показателем видовых противопоставлений здесь является наличие оппозиции \emptyset (терминатив) — $-p-$ / $-л-$ (дуратив). Наряду с этим здесь выявляются и рефлексы общелезгинского глагольного аблаута, реконструированного С. А. Старостиным (см. [NIKOLAYEV & STAROSTIN 1994: 166–168]). Схему чередований здесь можно представить в виде следующей таблицы:

Основа	терминатива	дуратива	потенциалиса
Первый гласный корня	<i>и</i> <i>а</i> <i>е</i> <i>о</i>	<i>аь</i> <i>и</i> <i>е</i> <i>о</i>	<i>ы</i> <i>а</i> <i>е</i> <i>о</i>

Как видно из таблицы, основы с гласными *е* и *о* не имели чередований. Что касается аблаутных чередований, то в современных языках в значительной степени произошла нейтрализация некоторых членов оппозиции, что можно проследить на следующих примерах:

1. **и* / **аь* / **ы*

В арчинском языке лучше сохранилась оппозиция ступеней чередования **и* / **ы*, реализуемая как в пределах одной глагольной парадигмы (а), так и лексическими противопоставлениями (б), в то время как третья ступень представлена ныне самостоятельными глагольными лексемами (в), ср.:

- (а) *кар-ас* ‘вести, брать с собой’ (**и*) — дур. *оркир* — терм. *ока* (**ы*);
 (б) *ло-с* ‘давать’ (**и*) — *ола-с* ‘продавать’ (**ы*);
 (в) *шел-с* ‘побежать’ (**и*) — *гьелриалс* ‘бежать’ (**аь*);
 (а, в) *хьле-с* ‘идти’ (**и*) — дур. *орхьлур*, терм. *охьла* (**ы*) — *гьерхьла-с* ‘ходить’ (**аь*).

В рутульском языке налицо реликтовые примеры оппозиции ступеней чередования **и* / **аь*, представленной близкими по значению лексемами (а), а также ступеней **и* / **ы* в рамках глагольной парадигмы, ср.:

- (а) *к-учьва-с* ‘начинать’ (**-ичьве-*) — *к-аьчьва-с* ‘начинать; входить’ (**-аьчьва-*)¹;
 (б) терм. ед.ч. *йикьи-р* (**и*) ‘умер’ — мн. ч. *л-ыркьи-р* (**ы*) ‘умерли’.

В цахурском сохранился общелезгинский аблаут **и* / **аь*, противопоставляющий основы терминатива (потенциалиса) и дуратива, у глаголов, характеризующихся отсутствием в основе конечного сонанта (к ним относятся, например, *гиклас* ‘убивать’, *гихьас* ‘попасть, оказаться’, *алишес* ‘покупать’, *гичлес* ‘входить’, *гихьвас* ‘убегать’, *хьшшес* ‘свежевать’, см. [АЛЕКСЕЕВ 1985: 80]). Ранее [ibid.] мы высказывали мнение, что сохранение в ряде цахурских глаголов чередования *и/е* могло быть обусловлено определенными процессами с участием дуративного $-й-$ (< * $-p-$), поскольку видовое противопоставление \emptyset — $-й-$ имеет место в глаголах с конечными сонантами, ср.:

	Целевая форма	Дуратив
‘умереть’	<i>хьиклас</i>	<i>хьекла</i> (* <i>хьи-й-кла</i>)
‘заставить’	<i>аликас</i>	<i>илека</i> (* <i>али-й-ка</i>)
‘спать’	<i>кьалихьас</i>	<i>кьилехьа</i> (* <i>кьали-й-хьа</i>), но
‘оставлять’	<i>гьа̄сарас</i>	<i>гьа-й-с̄ар</i>
‘бросать’	<i>гьувохьарас</i>	<i>гьуво-й-хьар</i>
‘звать’	<i>хьотлалас</i>	<i>хьо-й-тлал</i>
‘бежать’	<i>кьадахьванас</i>	<i>кьада-й-хьван</i>

Сопоставление данных цахурского языка с аналогичными явлениями в других лезгинских языках дает основания отказаться от этой гипотезы.

В крызском языке реликты общелезгинского аблаута **и* / **аь* выявляются в формах повелительного нескольких глаголов: *хьий-идж* ‘быть’ — пов. *с-аьхь*; *кьаьй-идж* ‘умирать’ — пов. *с-аькь*; *кур-идж* ‘зарезать’ — пов. *с-аькр*; *джир-идж* ‘жарить’ — пов. *с-аьджир* и т. п.

¹ В цахурском данная основа сохранила видовую оппозицию этих ступеней чередования **и* / **аь*: *ичь-ес* ‘войти’ — дур. *ечьле* и т. п., а в арчинском — лексическое противопоставление основ **и* / **аь*: *чу-бус* ‘входить’ — *ачьла-с* ‘прятаться’.

2. *a / *u

Этот тип аблаута сохранил свою продуктивность в северном диалекте табасаранского языка, ср.: дубек. *a-в-хь-ус* 'упасть' — дур. *и-в-хь-ур-*, *алд-а-в-тл-ус* 'срубить' — дур. *илд-и-в-тл-ур-* и т. п.

Исконные грамматические функции сохранились у данного типа аблаута и в цахурском, ср. *с-аклал-ес* 'вернуться' — дур. *с-йклар* и т. п.

Кроме того, налицо межъязыковые изоглоссы, отражающие различные ступени аблаута, ср.: арч. *айлар* 'болеть' (*a) — таб. дур. *ийру хьуз* 'болеть', аг. *итар хьас* 'болеть', лезг. *тла-з* 'болеть', крыз. *тит-аьдж* 'ныть' (*u).

Последний тип аблаута имеет прямую аналогию в андийских языках, где чередование *u / *o противопоставляет формы единственного и множественного числа, ср. анд. ед. *вухиду* — мн. *вохиду* 'получать, покупать', ед. *вугьиду* — мн. *вогьиду* 'стоять; быть', ед. *вучьиду* — мн. *вочьиду* 'встать', ед. *вусинну* — мн. *восинну* 'находить', ед. *вучинну* — мн. *вачинну* 'упасть', *вукьиду* — мн. *вокьиду* 'приходить', *вукьуду* — мн. *вокьуду* 'расти', *вучьиду* — мн. *вочьиду* 'резать', *вуцуду* — мн. *воцуду* 'наполнить', *вухьиду* — мн. *вохьиду* 'зарезать', *вутинну* — мн. *вотинну* 'мочить', *вухьиду* — мн. *вахьиду* 'выявить', *вучьиду* — мн. *вачьиду* 'платить', *вучьиду* — мн. *вочьиду* 'умереть', *вукьуду* — мн. *вокьуду* 'быть' [ЦЕРЦВАДЗЕ 1954: 437–440]. Общий принцип аблаута в андийском глаголе следующий: «более закрытые гласные меняются на более открытые, при этом более открытые гласные выражают понятие множественного числа» [ibid.: 440]. Соответственно, исходные -a-, -o-, -e- чередованиям не подвергаются.

Эти же принципы прослеживаются, хотя и менее отчетливо, в других андийских языках, ср., например: год. ед. *вуклал* — мн. *баквал* 'положить', *вухи* — мн. *баху* 'восходить, показаться', *вукь* — мн. *бакь* 'попасть, упасть', *вукли* — мн. *бакь* 'быть', *вун* — мн. *мани* 'уходить, идти', *вухи* — мн. *баху* 'вытаскивать, вынимать', *вукь* — мн. *бакь* 'гнать' [САИДОВА 1973: 114–115]. В каратинском языке «в глаголах, в которых классный показатель присоединяется к основе посредством гласного *и* (< *i*), *о*, во множественном числе этот гласный заменяется посредством *а*» [МАГОМЕДБЕКОВА 1971: 116], ср. III ед. *буча* — I–II мн. *бачва* 'мыть', III ед. *боиле* — I–II мн. *баиле* 'пойти', III ед. *бихьу* — I–II мн. *бахьу* 'зарезать', III ед. *му'у* — I–II мн. *ма'у* 'расти'. В ахвахском языке чередование гласных наблюдается в глаголах с корневым -*и*-: III ед. *бикьурулла* — I–II мн. *бакьурулла* 'делить', III ед. *битурулла* — I–II мн. *батурулла* 'проиграть', III ед. *бихьурулла* — I–II мн. *бахьурулла* 'держат' и др. Как отмечает З. М. Магомедбекова, «иногда, во множественном числе для класса человека, вместо ожидаемого сопровождающего гласного *i* встречается *a*. Возможно, это вызвано стремлением разграничить мн. число класса человека от единственного числа третьего класса» [МАГОМЕДБЕКОВА 1967: 36].

В отличие от ахвахского и других андийских языков, но так же, как в андийском, гласный -*a*- в чамалинском появляется в обеих формах мн. числа: III ед. *букьла* — мн. I–II *бакьла*, III–IV *йакьла* 'быть', III ед. *муна* — мн. I–II *мана*, III–IV *йана* 'идти', III ед. *бицла* — мн. I–II *бацла*, III–IV *йацла* 'схватить', III ед. *бихла* — мн. I–II *бахла*, III–IV *да-хла* 'брат, покупать' [БОКАРЕВ 1940: 54–55; 1949: 76–77]. Имеются также глаголы с корневым -*и*-, не дающие чередования, ср.: III ед. *бичла* — I–II мн. *бичла* 'умереть', III ед. *бигьла* — I–II мн. *бигьла* 'победить', III ед. *билла* — I–II мн. *билла* 'проснуться', видимо по семантическим причинам.

Из приведенного краткого обзора видно, что аблаут *и/а*, а также *у/а* имеют общеандийский характер и наблюдаются в генетически общих лексемах, ср., например: анд. *бикл-/бокьл-*, год., чам., тинд., кар. *букл-/бакьл-*, багв. *букл-/бакьл-*, ахв. *бикл-/бакьл-* 'быть'. Этот и ему подобные примеры Т. Е. Гудава [1959: 13] считал подтверждением функциональной членимости «сопровождающего» гласного. Как было показано, они ограничиваются корневыми -*и*- и -*у*- (< **и*-) и не выходят за пределы оппозиции числовых форм, так что говорить о других функциях глагольного аблаута в андийских языках не приходится.

В плане общедагестанских корреляций семантическая связь категорий вида и числа не представляется нам неестественной. В работах по кавказоведению эта связь подчеркивалась неоднократно. Так, в специальной литературе было замечено, что количественные характеристики реализуются в глагольной парадигме с помощью не только синтаксической категории числа, но и собственно глагольной категории вида: «В пределах глагола функционирование категории ко-

личества носит специфический характер. Здесь мерилom является не количество предметов, а частотность действий, которая может быть выражена через соответствующие формы категории — это ее мерилa. Одни формы в характеризуемой категории выражают однократное, одноразовое действие, а другие — многократное, многократное действие» [Хайдаков 1985а: 4].

Заметим, что охарактеризованная выше категория числа андийского глагола, по-видимому, находит реликтовое отражение в лексических оппозициях аварского языка, ср.: *буклине* 'быть' — *бакл-ар-изе* 'собираться' < *'быть (о многих)', где *-ар-* — суффикс учащательности; *щевезе* 'достигать' — *барцизе* 'зреть' < *'достигать (о многом, многих)' и нек. др. Что же касается известного в лингвистической литературе аварского глагольного аблаута типа *пирхизе* 'блеснуть, вспыхнуть' — *перхэзе* 'сверкать, блестеть' и т. п., то его вторичность, обусловленность регрессивной ассимиляцией достаточно хорошо показана специалистами [Чикобава, Церцвадзе 1962: 32–33]; [Микаилов 1958: 132–136].

Иные функции имеет аблаут в цезских языках. Так, в ряде глаголов восточноцезских языков классные оппозиции выражаются чередованием корневых гласных, ср.: гунз. *гала* I, *гила* II–III, *гула* IV–V 'класть', *наа* I, *ниа* II–III, *нуа* IV–V 'приходить', *млэmlа* I, *mlumла* II–III, *mlumла* IV–V 'бросать'. Возведение этих чередований к реально засвидетельствованным или же реконструируемым сегментным классным показателям не удается, за исключением форм II класса, где можно полагать исконным **й* (*гила* < **гэ-й-ла*, *ниа* < **нэ-й-а*, *mlumла* < **млэ-й-mlа*). Не исключено, что в данной группе глаголов произошло переосмысление исторического показателя I класса **в* (*гула* < **гэ-в-ла*, *нуа* < **нэ-в-а*, *mlumла* < **млэ-в-mlа*), связанное с формированием новой, нулевой формы I класса. Несколько труднее представить себе процесс **нэ-б-а* > ? > *нуа* и т. п.

Между тем в структуре западноцезских языков имеются факты, в значительной степени сходные с обрисованными в других подгруппах нахско-дагестанских языков. В данном случае мы имеем в виду форму общего времени в инхокаринском диалекте хваршинского языка, которая образуется удлинением корневого главного, вставкой *ā/ō* в скопление корневых согласных или дифтонгизацией корневых *у, ы, и*, ср.: *ахъа* 'спать' — *āхъ*, *леза* 'взять, купить' — *лэз*, *кюлла* 'прыгать' — *кюл*, *лулха* 'сыпать' — *лулōх*, *шварда* 'прыгать' — *шварад*, *угъа* 'умереть' — *увогъ*, *илла* 'сказать' — *ийол* и т. п. (см. [Бокарев 1959: 166–167]). Сходным образом формируется общее время в собственно хваршинском диалекте, ср.: *леса* — *лэса* 'спать', *тилла* — *тйлла* 'отдать', *луха* — *луха* 'копать', *ишана* — *ишōна* 'жарить', *шварда* — *шварōда* 'прыгать' и т. п. (см. [Шарафутдинова, Левина 1961: 116]).

При некоторых различиях в говорах в целом цезский язык использует аналогичный принцип образования общего времени, при котором происходят следующие преобразования корневых гласных: шайтл. *а* — *ā*, *о* — *ō*; *и, е* — *ē*; кидер., мокок. *а, у, о* — *ā*; *и, е* — *āь*; асах. *а, у, е, и* — *ā*; *у* (во втором слогe) — *ва*, ср. *аула* 'есть' — *āул*, *кюлла* 'прыгать' — *кюллу* // *кюллу*, *икла* 'идти' — *ēклу* / *āьклу* / *āьклу*, *-ехура* 'убивать' — *-ехвār* и др. [Имнайшвили 1956: 421–423]. Как полагал Д. С. Имнайшвили [ibid.: 423], «формантом настоящего общего в дидойском языке являлся гласный *а*, а нынешний способ — выражение этой категории изменением гласных основы глагола — результат слияния форманта *а* с гласными основы глагола». В хваршинском он предполагал [ibid.: 425] в качестве исходного аффа. **-о-* (*-ой-*). Как видим, его гипотеза аналогична той, что была предложена им для нахских языков, с той лишь разницей, что в качестве исконного аффикса выступает иной согласный.

Как видно из проведенного выше обзора, в той или иной степени глагольный аблаут представлен во всех подгруппах нахско-дагестанских языков (по-видимому, это явление не находит отражения в лакском и хиналугском языках, а также в некоторых представителях лезгинской группы). Несмотря на то что кавказоведение ныне располагает фундаментальным этимологическим словарем северокавказских языков, в котором впервые осуществлена реконструкция общевосточных глагольных основ, проблема реконструкции общевосточнокавказского глагольного аблаута сохраняется, заключаясь в недостаточном лексическом материале (притом что аблауту, как можно полагать, были подвержены не все основы, а лишь их часть), на котором можно было бы выявить регулярные соответствия в этой области. Проблема осложняется тем, что помимо первого гласного основы в систему глагольного аблаута входили также чередования второго гласного основы, а в систему видовых противопоставлений в целом — оппозиция \emptyset — *-р(-л-)* и редупликация основы.

- АЛЕКСЕЕВ 1985 — М. Е. АЛЕКСЕЕВ. *Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис*. М.: «Наука».
- БОКАРЕВ 1940 — А. А. БОКАРЕВ. О классных показателях в аваро-андо-цезских языках // *Язык и мышление*. Т. X. М.
- БОКАРЕВ 1949 — А. А. БОКАРЕВ. *Очерк грамматики чамалинского языка*. М.—Л.
- БОКАРЕВ 1959 — Е. А. БОКАРЕВ. *Цезские (дидойские) языки Дагестана*. М.
- ГИГИНЕЙШВИЛИ 1977 — Б. К. ГИГИНЕЙШВИЛИ [ბ. გიგინეიშვილი]. *Сравнительная фонетика дагестанских языков [დაღესტნური ენების შედარებითი ფონეტიკა]*. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета.
- ГУДАВА 1959 — Т. Е. ГУДАВА. *Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках*. Махачкала.
- ДЕШЕРИЕВА 1979 — Т. И. ДЕШЕРИЕВА. *Исследование видо-временной системы в нахских языках (С привлечением материала иносистемных языков)*. М.: «Наука».
- ДОЛАКОВА 1967 — Р. И. ДОЛАКОВА. Ингушский язык // *Языки народов СССР*. Т. IV. *Иберийско-кавказские языки*. М.: «Наука»; стр. 210–227.
- ИМНАЙШВИЛИ 1956 — Д. С. ИМНАЙШВИЛИ [დ. იმნაიშვილი]. К спряжению глагола в дидойском языке [ზმნის უღვლილებისათვის დიდოურ ენაში] // *იბერიულ-კავკასიური ენათმეცნიერება / Иберийско-кавказское языкознание*. Т. 8. თბილისი / Тбилиси; стр. 413–457.
- ИМНАЙШВИЛИ 1977 — Д. С. ИМНАЙШВИЛИ [დ. იმნაიშვილი]. *Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков [ნახური ჯგუფის ენათა ფონეტიკის ისტორიულ-შედარებითი ანალიზი]*. თბილისი: “მეცნიერება” / Тбилиси: «Мецниереба».
- МАГОМЕДБЕКОВА 1967 — З. М. МАГОМЕДБЕКОВА [ზ. მაგომედბეკოვა]. *Ахвахский язык: Грамматический анализ, тексты, словарь [ახვახური ენა. გრამატიკული ანალიზი, ტექსტები, ლექსიკონი]*. თბილისი: “მეცნიერება” / Тбилиси: «Мецниереба».
- МАГОМЕДБЕКОВА 1971 — З. М. МАГОМЕДБЕКОВА [ზ. მაგომედბეკოვა]. *Каратинский язык: Грамматический анализ, тексты, словарь [კარატული ენა. გრამატიკული ანალიზი, ტექსტები, ლექსიკონი]*. თბილისი: “მეცნიერება” / Тбилиси: «Мецниереба».
- МИКАЙЛОВ 1958 — Ш. И. МИКАЙЛОВ. *Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов*. Махачкала.
- САИДОВА 1973 — П. А. САИДОВА. *Годоберинский язык*. Махачкала.
- СУЛЕЙМАНОВ 2000 — Н. Д. СУЛЕЙМАНОВ. *Словообразование и структура слова в восточно-лезгинских языках*. Махачкала.
- ТРУБЕЦКОЙ 1987 — Н. С. ТРУБЕЦКОЙ. *Избранные труды по филологии*. М.: «Прогресс».
- ХАЙДАКОВ 1985 — С. М. ХАЙДАКОВ. *Даргинский и мегебский языки (принципы словоизменения)*. М.: «Наука».
- ХАЙДАКОВ 1985a — С. М. ХАЙДАКОВ. Способы выражения множественного числа в дагестанских языках // *Категория числа в дагестанских языках*. Махачкала.
- ЧИКОБАВА, ЦЕРЦВАДЗЕ 1962 — არნ. ჩიქობავა, ილ. ცერცვაძე [А. С. ЧИКОБАВА, И. И. ЦЕРЦВАДЗЕ]. *ხუნძური ენა / კავკასიურ ენათა კათედრის შრომები*, 2 [Аварский язык / Труды кафедры кавказских языков, 2]. თბილისი / Тбилиси.
- ЧРЕЛАШВИЛИ 1999 — К. Т. ЧРЕЛАШВИЛИ [კ. ჭრელაშვილი]. *Бацбийский язык // Языки мира. Кавказские языки*. М.: «Наука»; стр. 197–203.
- ШАРАФУТДИНОВА, ЛЕВИНА 1961 — Р. ШАРАФУТДИНОВА, Р. ЛЕВИНА. *Хваршинский язык: Предварительное сообщение // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков*. М.: Изд. АН СССР.
- NIKOLAYEV & STAROSTIN 1994 — S. L. NIKOLAYEV and S. A. STAROSTIN. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow, “Asterisk” publishers.

S u m m a r y

The main goal of the article is to briefly analyze the series of vocalic gradation (Ablaut) observed in the verbal systems of all the subgroups of the Nakh-Daghestanian language family. It is shown that the diversity of vocalic gradation, attested in most of these subgroups, does not justify the frequent treatment of Nakh-Daghestanian verbal roots as primarily monoconsonantal. It is also shown that such vocalic gradations usually cannot be explained through the inner history of the subgroups themselves, meaning that a certain variety of Ablaut must have existed already in Proto-Nakh-Daghestanian. However, the exact reconstruction of this variety is still a task for the future.